

Водичев Е.Г. *

Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск; Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация

Риски и возможности интеграции научного центра в структуру большого города в условиях модернизационных процессов позднесоветской эпохи

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию рисков и возможностей интеграции Академгородка – крупнейшего регионального научного центра СССР – в структуру Новосибирска в контексте модернизационных процессов позднесоветской эпохи. Анализируется уникальный советский эксперимент по созданию автономного научного кластера в теле индустриального мегаполиса и его последствия для трансформации городской среды. Цель исследования – реконструкция механизмов территориального, демографического, функционального и социокультурного взаимодействия между Городом и Городком, а также оценка влияния научного сообщества на развитие Новосибирска. Особое внимание уделено вопросам миграции научной элиты, формированию новых профессиональных и социальных структур, архитектурно-планировочным новациям и формированию самодостаточной интеллектуальной среды.

Выявлены конфликты идентичностей и пространственные разломы, возникшие в результате административного объединения Академгородка с пролетарскими районами мегаполиса, что повлияло на символическое и культурное восприятие городской среды. Анализируются проблемы транспортной связанности, снабжения, социокультурной изоляции и неоднозначной рецепции научного сообщества со стороны жителей Новосибирска. Особое значение придаётся влиянию Академгородка на изменение имиджа Новосибирска, превратившегося в один из ведущих научных и образовательных центров страны. Рассматриваются институциональные, идеологические и политические условия функционирования научного кластера в рамках централизованной государственной системы. Статья подчёркивает актуальность темы для исторической урбанистики, социологии науки и территориального планирования, и ставит задачу дальнейшего междисциплинарного осмысления опыта пространственной интеграции науки и города в условиях плановой экономики. Предлагаемый подход может быть полезен для разработки новых методологических рамок изучения взаимодействия науки, власти и городского пространства в условиях переходных обществ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Новосибирск, Академгородок, комплексный научный центр, городское пространство, социальные трансформации, идентичность.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Водичев, Е.Г. (2026). Риски и возможности интеграции научного центра в структуру большого города в условиях модернизационных процессов позднесоветской эпохи. *Social Sciences & Digital Humanities*, 1(1), 140-154. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_1_9

История статьи:

Получено: 23.01.2026

Принято: 16.02.2026

Опубликовано: 31.03.2026

* Автор-корреспондент: Водичев Евгений Григорьевич, e-mail: vodichev@mail.ru

Кейінгі кеңес дәуіріндегі модернизациялық процестер жағдайында ғылыми орталықты үлкен қала құрылымына біріктірудің тәуекелдері мен мүмкіндіктері

АНДАТПА. Мақала КСРО-ның ең ірі аймақтық ғылыми орталығы – Академгородокты Новосибирск құрылымына соңғы кеңестік дәуірдегі жаңғырту процестері контекстінде интеграциялаудың тәуекелдері мен мүмкіндіктерін зерттеуге арналған. Мақалада өнеркәсіптік мегаполистің құрылымында автономды ғылыми кластер құру бойынша бірегей кеңестік эксперимент және оның қалалық ортаны өзгертудегі салдары талданады. Зерттеудің мақсаты қала мен қаланың аумақтық, демографиялық, функционалдық және әлеуметтік-мәдени өзара әрекеттесу механизмдерін қайта құру, сондай-ақ Новосібірдің дамуына ғылыми қоғамдастықтың әсерін бағалау болып табылады. Ғылыми элитаның көші-қоны, жаңа кәсіби және әлеуметтік құрылымдардың қалыптасуы, сәулеттік-жоспарлау жаңалықтары мен өзін-өзі қамтамасыз ететін интеллектуалдық ортаны қалыптастыру мәселелеріне ерекше назар аударылады.

Академгородокты мегаполистің пролетарлық аудандарымен әкімшілік біріктіру нәтижесінде пайда болған сәйкестіктердің қайшылықтары мен кеңестіктік бұзылу сызықтары анықталды, бұл қалалық ортаны символдық және мәдени қабылдауға әсер етті. Көлік байланысы, жабдықтау, әлеуметтік-мәдени оқшаулану және Новосібір тұрғындарының ғылыми қауымдастықты екіұшты қабылдау мәселелері талданады. Еліміздің жетекші ғылыми және білім беру орталықтарының біріне айналған Новосібірдің имиджін өзгертуге Академияның ықпалына ерекше мән беріледі. Орталықтандырылған мемлекеттік жүйе шеңберіндегі ғылыми кластердің жұмыс істеуінің институционалдық, идеологиялық және саяси шарттары қарастырылады. Мақалада тарихи қалатану, ғылым әлеуметтану және аумақтық жоспарлау үшін тақырыптың өзектілігі атап өтіліп, жоспарлы экономика жағдайында ғылым мен қаланың кеңестіктік интеграциясының тәжірибесін одан әрі пәнаралық түсіну міндеті қойылады. Ұсынылған тәсіл өтпелі қоғамдардағы ғылымның, үкіметтің және қалалық кеңестіктің өзара әрекеттесуін зерттеудің жаңа әдістемелік негіздерін әзірлеу үшін пайдалы болуы мүмкін.

ТҮЙІН СӨЗДЕР: Новосибирск, Академгородок, кешенді ғылыми орталық, қалалық кеңестік, әлеуметтік өзгерістер, сәйкестілік.

МҮДДЕЛЕР ҚАҚТЫҒЫСЫ: Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.

ҚАРЖЫЛАНДЫРУ ЖӘНЕ АЛҒЫС: Зерттеуге демеушілік қолдау көрсетілмеді (жеке ресурстар).

ДӘЙЕКСӨЗ ҮШІН: Водичев, Е.Г. (2026). Кейінгі кеңес дәуіріндегі модернизациялық процестер жағдайында ғылыми орталықты үлкен қала құрылымына біріктірудің тәуекелдері мен мүмкіндіктері. *Social Sciences & Digital Humanities*, 1(1), 140-154. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_1_9

The Risks and Opportunities of Integrating a Scientific Center Into the Structure of a Large City in the Context of Modernization Processes of the Late Soviet Era

ABSTRACT. The article is devoted to the study of the risks and opportunities of integrating Akademgorodok, the largest regional scientific center of the USSR, into the structure of Novosibirsk in the context of the modernization processes of the late Soviet era. The article analyzes the unique Soviet experiment of creating an autonomous scientific cluster in the body of an industrial metropolis and its consequences for the transformation of the urban environment. The purpose of the study is to reconstruct the mechanisms of territorial, demographic, functional and socio-cultural interaction between the City and the Town, as well as to assess the influence of the scientific community on the development of Novosibirsk. Particular attention is paid to the issues of migration of the scientific elite, the formation of new professional and social structures, architectural and planning innovations and the formation of a self-sufficient intellectual environment. The article reveals identity conflicts and spatial faults that arose as a result of the administrative unification of Akademgorodok with the proletarian districts of the metropolis, which influenced the symbolic and cultural perception of the urban environment. The problems of transport connectivity, supply, socio-cultural isolation and ambiguous reception of the scientific community by Novosibirsk residents are analyzed. Particular importance is attached to the influence of Akademgorodok on changing the image of Novosibirsk, which has become one of the leading scientific and educational centers of the country. Institutional, ideological and political conditions for the functioning of the scientific cluster within the centralized state system are considered. The article emphasizes the relevance of the topic for historical urban studies, sociology of science and territorial planning, and sets the task of further interdisciplinary understanding of the experience of spatial integration of science and the city in the context of a planned economy.

KEYWORDS: Novosibirsk, Akademgorodok, complex research center, urban space, social transformations, identity.

CONFLICT OF INTEREST: The author declares that there is no conflict of interest.

ACKNOWLEDGEMENTS AND FUNDING: The study had no sponsorship support (own resources).

FOR CITATION: Vodichev, E.G. (2026). The risks and opportunities of integrating a scientific center into the structure of a large city in the context of modernization processes of the late soviet era. *Social Sciences & Digital Humanities*, 1(1), 140-154. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_1_9

ВВЕДЕНИЕ

Новосибирск – крупнейший город на востоке ранее СССР, а ныне России, третий по численности населения в стране и неформальная столица Сибири, в прошлом – один из мировых лидеров по темпам роста, достигший по численности населения 1 млн чел менее чем за 70 лет. На 1 января 1964 г. в городе было зарегистрировано 1 млн 28 тыс. чел, в то время как расчетную норму 850 тыс. чел предполагалось обеспечить лишь к 1970 г. (Баландин, 1986, с. 55). Уже этот факт сделал Новосибирск релевантным объектом для исторических и историко-демографических исследований. В том же 1964 г. было принято решение об официальном завершении начавшегося в 1957 г. строительства новосибирского Академгородка, – крупнейшего регионального научного центра не только на востоке СССР, но и в стране в целом. Парадоксальным образом, превышение численности населения Новосибирска над 1 млн чел как раз и было обеспечено жителями Академгородка. С конца 1950-х гг. и вплоть до настоящего времени судьбы Города и Городка (так называют Академгородок его старожилы) оказались теснейшим образом переплетены. В административном смысле Академгородок стал частью Новосибирска, однако в реальности их взаимоотношения оказались гораздо более сложными.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Проблемы формирования и развития Сибирского отделения Академии наук СССР (СО АН СССР, ныне СО РАН) и его территориальных комплексов имеют свою историографию, а библиографический список измеряется не одним десятком публикаций, включая и документальные издания (Водичев, 2004; Кузнецов, 2014; Сибирское, 2007; Кузнецов, 2006 и др.). Вместе с тем, до сих пор недостаточное внимание уделяется месту и роли Городка как фактору и триггеру трансформации городского пространства мегаполиса, в том числе и в социально-демографическом аспекте. Работы такого рода ограничены лишь незначительным количеством публикаций (Российская академия, 2007; Красильников, 2024; Куперштох, 1999 и др.). Между тем, в ходе своего формирования и сам Академгородок стал полем для крайне интересных социальных экспериментов, существенно изменивших облик города, частью которого он стал, и имевших долговременные последствия для Новосибирска и страны в целом.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Цель настоящей статьи – реконструкция процесса интеграции Новосибирска и Академгородка в рамках наиболее известного советского проекта по развитию науки во второй половине XX в., а также факторов и направлений влияния Академгородка на трансформацию пространства мегаполиса.

К середине прошлого столетия Новосибирск, город, не располагавший сколько-нибудь значимыми запасами природных ресурсов, сконцентрировал в себе мощный производственный потенциал. В нем оказались расположены предприятия, имевшие общенациональное значение, входившие в основу советского военно-промышленного комплекса (ВПК) и относившиеся к числу технологических лидеров промышленности СССР. С момента основания город также оставался важнейшим транспортным узлом на востоке страны, расположенным на перекрестье Транссибирской и Алтайской железных дорог. Индустриальная траектория в стратегии Новосибирска казалась незыблемой. Но решение об организации СО АН СССР и «имплантации» в городскую структуру Новосибирска Академгородка положило начало принципиально важным трансформациям. Их суть – превращение Новосибирска из промышленного города в город, который стал позиционироваться как центр развитой передовой науки, «продвинутого» высшего образования исследовательского типа и технико-технологических инноваций. Отныне мегаполис обрел имидж общенационального драйвера научно-технического прогресса (НТП). Благодаря широкому публицити и открытости нового исследовательского комплекса, уже спустя десятилетие после своего образования известность Академгородка в интеллектуальной среде затмила известность самого Новосибирска. В этом смысле Городок обеспечил

глобальную роль города и обозначил его перспективы. Благодаря Академгородку и появившимся позднее вблизи Новосибирска другим наукоградам (Краснообску и Кольцово), траектория развития Новосибирска как одного из крупнейших в СССР центров НТП доминировала вплоть до распада страны в 1991 г. и была унаследована Россией. Однако при ретроспективных реконструкциях эволюции города остается нерешенным вопрос о том, насколько гармоничным и безболезненным был этот процесс для обоих компонентов формально единого городского пространства: Новосибирска как реципиента и Академгородка как «имплантата» в тело города. Для того, чтобы попытаться ближе подойти к ответу на него сосредоточимся и на количественном, и на качественном, социальном срезе анализа.

Представляется, что выводы о масштабности происходивших трансформаций можно сделать, принимая во внимание показатели миграции ученых в Новосибирск при создании Академгородка, а также некоторые социальные параметры прибывшего контингента в контексте способности оказывать влияние на характер мегаполиса. Последнее может включать в себя ряд профессиональных характеристик, прежде всего – уровень научной квалификации и профиль научных специальностей мигрантов с учетом ориентации на перспективные направления НТП. Социальный срез также подразумевает формирование представлений о «пассионарности» прибывающего в регион контингента и его способности привносить в провинциальный город новые элементы неэндемичной для города культуры в области межличностной и профессиональной коммуникации. Естественно, что этот аспект трудно выразить в количественно измеримых параметрах. Частично об этом можно судить на основе данных о городах и регионах «выхода» прибывающих в Академгородок исследователей, а также местах, где они получали профессиональную подготовку, поскольку последнее косвенно свидетельствует о принадлежности к ведущим научным школам страны. Этот срез анализа оставляет место для умозрительных выводов и заключений, базирующихся на несфокусированных интервью и беседах, мемуарах и воспоминаниях ученых, экспертных оценках и т. п. Все это позволяет сделать определенные выводы о специфике и гармоничности социальных трансформаций городского пространства и их значимости для судеб мегаполиса вообще, и научного центра в частности.

Итак, к середине 1950-х гг. Новосибирск – крупнейший индустриальный и логистический центр – развивался и как центр технологических разработок и профессионального образования, прежде всего ориентированного на предприятия ВПК. Что касается т. н. гражданских научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), то это была наука во многом «провинциальная», ориентированная либо на изучение ресурсной базы региона, либо на решение тактических задач по адаптации производственных технологий к нуждам локализованных здесь предприятий. Причем, имеющегося потенциала было явно недостаточно даже для таких ограниченных задач (Водичев, 2018). Статус города в этом качестве постепенно возрастал, но явно уступал другим граням и аспектам городского развития. На фоне иных советских мегаполисов, таких, например, как Свердловск или Горький, Новосибирск явно не выглядел научно-техническим и инновационным лидером. В городе функционировал Западно-Сибирский филиал Академии наук (ЗСФАН) в составе четырех небольших институтов, работало девять вузов (при этом в Новосибирске не было университета), действовал ряд отраслевых НИИ, главным образом «оборонного» профиля. Но человеческие ресурсы, занятые в этих сферах, были относительно невелики. По имеющимся данным, в ЗСФАН работало лишь немногим более 200 научных сотрудников, из которых лишь 17 чел. имели степени докторов и 87 кандидатов наук. В вузах, ситуация в которых не позволяла интенсивно заниматься научными исследованиями, не более четверти всех кафедр возглавлялись профессорами и докторами наук. В системе отраслевой науки, где доминировали учреждения ВПК, не более 0,5% научных сотрудников имели степени докторов и 10% кандидатов наук (История города, 2005).

Уже по этим отрывочным данным можно сделать вывод, что «продвинутая» фундаментальная наука и занятые в ней специалисты не определяли лицо уже почти миллионного в то время Новосибирска, и доминирующим оставался промышленный вектор.

В Генплане до 1980 г. Новосибирск рассматривался как «сложившийся научно-технический центр специализированного промышленного производства» (Баландин, 1986), т. е. индустрии ВПК. Но решение о создании Академгородка положило начало мощнейшим «инъекциям» в регион новых когорт специалистов в области перспективных направлений науки, которые несли с собой не только новые знания и компетенции, но и специфический «столичный» менталитет и образ жизни, ранее неприсущие в таких масштабах населению Новосибирска.

Важно отметить, что «отцы-основатели» создания научного комплекса, прежде всего академик М.А. Лаврентьев, глубоко продумали его концепт в плане обеспечения долговременной устойчивости проекта (Лаврентьев, 1979,1980). На старте ключевым фактором становилась мотивация потенциальных сотрудников. Практика подтвердила разумность идеи опереться на три категории ученых, ни одна из которых ранее не присутствовала в Новосибирске в скольких-нибудь значимых масштабах. Первой стала группа авторитетных исследователей, членов Академии наук, входивших в число тех, кто определял отечественную научную политику, но не удовлетворенных состоянием исследований в стране. Создание СО АН СССР позволяло этой когорте ученых усилить свои позиции в системе организации и управления наукой, и в этом смысле Академгородок был для них не только целью, но и средством достижения целей.

Ко второй группе ученых относились видные исследователи, как правило, доктора наук, уже имевшие свои научные школы или достигшие значительного прогресса в науке, но не получившие возможности реализовать их в сложившихся научных учреждениях в центре страны. Такие специалисты были готовы сменить место жительства и работы, если при этом перед ними открывались широкие перспективы для разработки собственных научных направлений и возможности для продолжения научной и научно-организационной карьеры.

Наконец, к третьей категории относились молодые научные сотрудники, входившие в число учеников и последователей тех, кто составлял первые две страты. Переход во вновь создаваемые институты также открывал перед ними доступ к быстрой научной карьере, что было нереально в рамках традиционных научных структур в центре страны. Таким образом, каждый получал свое. Одни – ключевые позиции в руководстве наукой. Другие – перспективы быстрой научной карьеры. Третьи – условия для работы и быта, значительно превосходившие имевшиеся. Но все вместе получали хорошие возможности для плодотворной научной деятельности.

Необходимым условием смены жизненной парадигмы для мигрантов был переезд в Сибирь. Для многих выходцев из столичных городов это все же оставалось проблемой. Однако ситуация демпфировалась особыми правительственными решениями, которые позволяли ведущим ученым сохранять при переезде жилплощадь в столицах, несмотря на получение жилья в Новосибирске. В результате концепция создания СО АН СССР могла рассчитывать на поддержку различных социальных страт ученых.

Принципиальное значение имел тот факт, что селекция кандидатов проводилась весьма тщательно и те, кто ее прошел, обладали не только должной мотивацией, но и высокой квалификацией и способностью самостоятельно и нетривиально решать задачи, далеко выходящие за рамки узкопрофессиональных областей. Сам факт «десанта интеллектуальной элиты» из столичных городов и европейской части страны в Сибирь говорил о решимости его представителей самостоятельно выбирать рискованные, но и взвешенные жизненные стратегии. Для «кадрового десанта» относительно оперативно решалась жилищная проблема и обеспечивались конкурентная зарплата и хорошие условия для работы. В итоге в Новосибирске сконцентрировалась значимая доля интеллектуального потенциала страны, которая не могла не оказать влияние на его стратегии развития, на имидж города и на социальную атмосферу.

Структура кадрового потенциала науки менялась очень быстро. После первых выборов в Академию наук по Сибирскому отделению 1958 г. в нем состояло уже 11 академиков и 28 членов-корреспондентов АН СССР. Это составляло около 8 % от общей численности членов Академии. Всего лишь два года назад на всей территории Сибири и Дальнего Востока имелся

лишь один член-корреспондент АН, который работал в Томске.

Уже на 1 октября 1958 г. в новые институты только Новосибирского научного центра (ННЦ) было зачислено 924 человек, в т. ч. 422 научных сотрудника. К концу 1960 г. численность научного персонала новых институтов превысила тысячу человек. Учреждения ННЦ комплектовались кадрами из разных источников. Почти половина всех научных работников прибыла в Новосибирск из НИИ и вузов Москвы и Ленинграда, 42 % перешли на работу в СО АН СССР из институтов и вузов Сибири и Дальнего Востока, включая ЗСФАН, 9 % прибыло из других городов европейской части СССР. В начальный период истории Отделения выходцы из европейской части СССР составляли в институтах физико-математического и химического профиля почти 100 % сотрудников, в биологических институтах – 90 %, в технических – около 70 %. И лишь в науках о Земле представительство местных специалистов было весьма высоким, что определялось профилем академических филиалов в Сибири в предшествующие годы: например, штат Института геологии и геофизики на 72 % состоял из сибиряков (Куперштох, 1999).

Показательны данные по территориальному срезу представителей высшего уровня академической иерархии – членов АН СССР, перешедших на работу в Отделение, либо избранных от СО АН СССР. Имевшиеся данные относятся к более широкому хронологическому периоду 1958-1981 гг. и ко всему Отделению, но вполне характеризуют ситуацию в ННЦ и Академгородке. 46 % членов Академии наук, прибывших в Сибирь, ранее работали в научных учреждениях Москвы, 12 % – Ленинграда, 10 % – других городов западной части страны. В совокупности это превышало 2/3 всех членов АН СССР, ставших руководителями институтов и их структурных подразделений. В первые годы истории Академгородка их доля была еще выше. Почти аналогичные цифры дают данные о месте получения научной элитой высшего образования. 40 % окончили вузы Москвы, 26 % – ленинградские вузы и 13 % вузы в иных городах европейской части страны (Красильников, 2024).

В 1961 г. общее количество работающих в академическом комплексе Сибири и Дальнего Востока составляло уже около 9 тыс. человек, в т. ч. почти 3 тыс. научных сотрудников, большинство из которых находилось именно в Академгородке. По сравнению с 1957 г. численность научных работников в академическом комплексе Сибири увеличилась более чем в пять раз. Теперь свыше трети из них имели степени кандидатов и докторов наук. На востоке страны появилась большая когорта членов АН и ведущих ученых, оказывающих непосредственное влияние на определение стратегии научного поиска в различных дисциплинах и формирующих матрицу взаимоотношений в коллективах. Наиболее высокими темпами возростала численность сотрудников именно в ННЦ: с 1957 г. и до середины 1961 г. она увеличилась в шесть с половиной раз.

До образования СО АН СССР дисциплинарная структура кадров исследователей отражала периферийный характер исследований, ориентированных на изучение ресурсов региона. Об этом свидетельствует тот факт, что почти 2/3 научных сотрудников высшей научной квалификации академических учреждений восточных регионов страны, среди которых главенствующую роль играл ЗСФАН в Новосибирске, имели подготовку в области науки о жизни и наук о Земле. Но к середине 1960-х гг. профессиональный профиль научных сотрудников академических учреждений Сибирского отделения, где абсолютно доминировали институты Академгородка, радикально изменился по сравнению с ситуацией десятилетней давности. Теперь там большинство составляли специалисты со специализацией по наиболее перспективным направлениям современной науки.

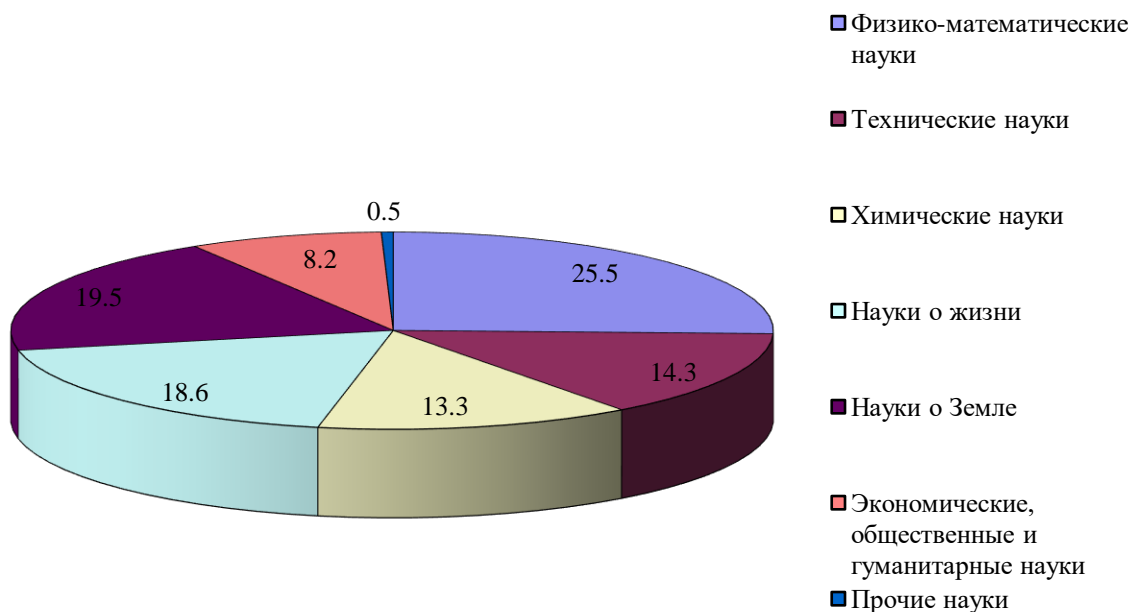

Рисунок 1. Дисциплинарная структура кадров высшей квалификации СО АН СССР, на начало 1966 г., в % к итогу*

Примечание – рассчитано по данным (Куперитох, 1999)

В августе 1964 г. Академгородок посетила правительственная комиссия во главе с президентом АН СССР акад. М.В. Келдышем. Именно она и подписала акт приема в эксплуатацию ННЦ. Комиссии были представлены корпуса 15 институтов, университета, Опытного завода, жилые дома общей площадью 281,6 тыс. кв. м, пять школ, 18 детских садов и яслей, семь столовых, клуб, широкоэкранный кинотеатр «Москва», две больницы, две поликлиники и многие другие объекты. Делался вывод, что «Население научного городка, составляющее 28,5 тыс. жителей, обеспечено жилой площадью в среднем 9,5 м² на одного человека и необходимыми учреждениями культурно-бытового обслуживания в соответствии с действующими нормами. ... Все научно-исследовательские институты и государственный университет обеспечены высококвалифицированными научными и инженерно-техническими кадрами, общая численность которых составляет 5 600 человек, в том числе 14 действительных членов АН СССР, 35 членов корреспондентов, 80 докторов наук и 650 кандидатов наук» (Кузнецов, 2006). Важным стало и то обстоятельство, что одновременно была заложена твердая основа для воспроизводства научных кадров, включавшая такие разноуровневые элементы, как первую в СССР школу-интернат для одаренных детей (ФМШ), элитный исследовательский университет (НГУ) и многопрофильную систему подготовки кадров высшей научной квалификации в НИУ Академгородка (Аблажей Н.Н., Водичев Е.Г., Красильников С.А., 2019). Все это стало новеллами для мегаполиса.

Академгородок резко отличался от Новосибирска и в градостроительном отношении. Он был возведен в экологически благоприятных условиях естественного ленточного бора вблизи Обского водохранилища и линии Алтайской железной дороги на выделенной площади в 1370 га. За архитектурно-планировочное решение Академгородка в 1967 г. группа разработчиков была удостоена Государственной премии РСФСР в области архитектуры. Изначально Академгородок планировался как город-спутник Новосибирска (Баландин, 1986), и это отразилось в градостроительном концепте при создании его систем жизнеобеспечения. При формировании Академгородка обеспечивалось параллельное строительство научно-исследовательских учреждений, жилого комплекса, объектов социального и бытового назначения. В состав Академгородка вошел университетский кампус с ФМШ, в структуре градообразующего комплекса появился конгресс-холл, представленный Домом ученых, и

современный по меркам 1960-х гг. отель, что было необходимо для нормально функционирования научного центра. Как отмечается экспертами, «в основу архитектурно-планировочной организации территории Академгородка положены следующие принципы: полное использование природных условий местности и сохранение естественного ландшафта как полноценного структурного элемента архитектурно-пространственной организации городской среды; создание единой системы сообщений, обеспечивающих кратчайшие транспортные и пешеходные связи как между зонами города, так и в пределах каждой из них, с максимальной безопасностью для пассажиров и пешеходов, с полным исключением всех видов транзита через территорию Академгородка; максимальное приближение учреждений культурно-бытового обслуживания, в том числе и общегородских, к жилым комплексам; создание своеобразного архитектурно-пространственного образа города, лишённого «нарочитой геометризации и симметрии планировочных форм, так и их аморфной неопределённости. ... Архитектурно-планировочная структура городка Сибирского отделения предопределена четким зонированием его территории и закреплена основными транспортными магистралями» (Баландин, 1986).

Всего за несколько лет Новосибирск столкнулся с ситуацией, когда в него был фактически «встроен» целый город с численностью населения в несколько десятков тыс. чел с нетипичным ранее для мегаполиса контингентом, занятым в той сфере деятельности, которая никогда ранее не считалась профильной для мегаполиса. Академгородок обладал всеми признаками отдельного города и располагал собственной инфраструктурой и системой жизнеобеспечения, за исключением разве что аэропорта. Похожие, но менее масштабные «городки науки», в последующие годы, возводимые вблизи Новосибирска с учетом опыта Академгородка – Краснообск (поселок ВСХНИЛ) и Кольцово – получили статус отдельных поселений, а Кольцово впоследствии стал одним из первых официальных наукоградов в России.

Что же касается самого Академгородка, то с момента его создания возникла дихотомия «Города и Городка», растянувшаяся на десятилетия и сохраняющаяся до сих пор. Собственно, здесь мы возвращаемся ко второй части поставленной проблемы – социальному измерению эксперимента, связанного с «имплантацией» научного комплекса в сложившийся город, в результате которой Новосибирск в мгновение ока превратился в один из крупнейших, а по некоторым оценкам – второй по величине потенциала после Москвы и области научный центр страны. В этом сюжете есть две плоскости анализа. Первая из них – это проблема целостности самого Академгородка. Очень скоро возникла дискуссия, что, собственно, следует считать Городком, а что нет. Главным ее маркером стали внешние индикаторы социальной стратификации резидентов Городка, критериями которых выступают визуализированные архитектурно-планировочные решения. Часто они упираются в рассуждения о правомерности отнесения к Академгородку т. н. микрорайона Щ, особенно той его части, которая предназначалась для рабочих-строителей и застраивалась на старте истории научного центра типовыми брусчатыми и щитовыми домами (их впоследствии предполагалось заменить на капитальные строения, но многие такие дома сохранились и до настоящего времени), а также микрорайона Шлюз и некоторых других его частей. По распространенной точке зрения Городок следовало бы ограничить «верхней зоной», где, собственно, и расположены институты, университет, основные объекты соцкультбыта и жилые дома для научных сотрудников. Споры о границах продолжаются по сей день, поскольку даже визуально эти части Городка разительно отличаются друг от друга и время их несколько не сблизило. В отличие от уютной и благоустроенной «верхушки» со своей неповторимой аурой, микрорайон Щ и в пределах его стартовой площадки, и в той части, которая начала быстро застраиваться в 1970-х гг., напоминает типичный спальный район любого советского города. Впоследствии территория «верхней зоны» Академгородка была признана достопримечательным местом и объектом культурного наследия с введением ограничений на застройку, что лишь добавило аргументов сторонникам первой точки зрения. Соответственно, справедливо мнение, что при всех своих достоинствах «Академгородок в планировочном отношении – первый, а возможно

и единственный эксперимент социального разделения в социалистическом градостроительстве. До сих пор в этико-топографическом отношении Верхняя зона Академгородка – территория науки и этики, Нижняя – техническое обслуживание (может быть, именно поэтому он звучит – ЩА – очень характерный отклик гегемонии на пафос великих ученых, волею судеб, оказавшихся в Сибири)» (Архитектура Новосибирска, 2024).

Вторая плоскость анализа – это интеграция Академгородка и Новосибирска. Как уже отмечалось, Академгородок стал частью Советского района Новосибирска и в этом смысле был административно объединен с другими микрорайонами, некоторые из которых территориально отстояли от Городка на несколько километров. Это противоречило первоначальному замыслу о создании отдельного поселения, города-спутника. Неудивительно, что с момента основания Городка альянс между Городом и Городком складывался более чем непросто. Это касалось как идеологического, так и социально-психологического и социокультурного измерений.

В возникшей дихотомии «Город – Городок», кроме упомянутого выше, отражалось еще несколько обстоятельств. Некоторые из них возникли во многом вопреки желаниям тех, кто принимал решения, или же в условиях типичных для СССР подходов к реализации крупных проектов они не были просчитаны до конца. Областные власти Новосибирска охотно согласились на предложение о строительстве научного центра на подведомственной им территории. Но город и регион здесь не играли самостоятельной роли, поскольку в советской модели, как, собственно, и сейчас в РФ, они не являлись субъектами политических решений такого рода. Новый научный центр был создан и локализован, исходя из соображений общегосударственной целесообразности. Декларированная в постановлении ЦК КПСС основная задача СО АН СССР формулировалась как «всемерное развитие теоретических и экспериментальных исследований ... направленных на решение важнейших научных проблем, а также проблем, способствующих наиболее успешному развитию производительных сил Сибири и Дальнего Востока» (Водичев Е.Г., Красильников С.А., Ламин В.А. и др., 2007). Но представляется, что во второй своей части в условиях широко развернувшейся «совнархозовской» реформы она звучала, скорее, как дань политической конъюнктуре. Попытки «встроить» научный комплекс в региональный контекст в той или иной форме предпринимались на протяжении всей последующей истории его существования, но полученные результаты не выглядели безусловно успешными из-за изначальной ориентации институтов Академгородка на решение задач фундаментальных исследований, «большой науки» и ВПК.

На старте проекта город еще не вполне понимал масштабы грядущих трансформаций. Строительство «городка науки» стало крупнейшим общегосударственным проектом, по сути, одной из последних советских «великих строек коммунизма», финансируемых целевым образом из госбюджета, поэтому финансовая нагрузка на сам регион и город была все же ограниченной. Но изыскивать дополнительные возможности пришлось и городу, например, для временного размещения научных учреждений и расселения сотрудников, пока помещения в Городке не были введены в строй. Региональная администрация, еще при строительстве Академгородка пытавшаяся отвлекать выделяемые Москвой ресурсы и для решения иных задач, сразу же столкнулась с крайне жесткой реакцией центральных властей. Тем самым ей было дано понять: локализация научного комплекса в регионе и городе не означает, что местные власти будут «заказывать музыку», и это неоднократно подтверждалось впоследствии.

В итоге система администрирования в Академгородке как центре управления всем СО АН СССР позволяла его руководству апеллировать непосредственно к центральным властям, фактически минуя городские и областные администрации. В лучшем случае они лишь ставились в известность о предполагаемых решениях. Этому способствовали и личные доверительные отношения руководителя научного комплекса акад. М.А. Лаврентьева с «первым лицом», Н.С. Хрущевым. Такая ситуация сохранялась на протяжении нескольких стартовых лет, определивших дальнейшее развитие научного комплекса. Но и после смены

лидеров матрица взаимоотношений между имплантированной в регион «наукой центра» и регионом в какой-то мере сохранялась. По воспоминаниям известного социолога акад. Т.И. Заславской «одна из заслуг академика Лаврентьева, что, когда он выбирал место для Академгородка, не последним соображением было – подальше от обкома партии. В Иркутске такой городок на окраине города, в Красноярске – вообще часть города. Лаврентьев же хотел самостоятельности в этом плане – и он ее добился. Мы тоже имели неприятности с обкомом партии, но все-таки они не сидели у нас безвылазно, а лишь наезжали, и то нечасто» (Российская социология, 1999).

В то же время, некоторые опасения по поводу потенциального «фрондерства ученых» создаваемого «наукограда» и необходимости его агрегирования в социально-политических и административный контекст региона локализации все же существовали изначально. Этим, наряду с прочими аргументами, как раз и было вызвано упомянутое решение об объединении Академгородка с «пролетарскими» по составу населения микрорайонами Шлюз и ОбьГЭС в рамках единого Советского района, состоявшееся уже в 1958 г. Создаваемая система демпферов потенциального свободомыслия ученых, представленная органами советской и партийной власти, должна была повысить степень управляемости академических институтов, противопоставляя ему «пролетарскую массу» другой части большого района.

Сыграли свою роль и иные обстоятельства как инфраструктурного, так и социального характера. К их числу относилась относительная отдаленность Городка от центра Новосибирска и непростое и небыстрое транспортное сообщение с городом. В особенности важную роль этот фактор играл в первое десятилетие истории Городка, когда, несмотря на капитально реконструированное Бердское шоссе, поездки из Городка в город и обратно занимали не один час времени. Изначально задуманная транспортная схема, предполагавшая гармонизированное сообщение с Новосибирском посредством согласования общественного автомобильного и железнодорожного транспорта, так и не была реализована в оптимальном варианте.

Сказывалась и особая, и гораздо лучшая, чем в Новосибирске, система снабжения Городка продовольственными и промышленными товарами, резко выделяющая Городок на фоне остального города. Достаточно долгое время она осуществлялась по линии могущественного и богатого «атомного министерства» – Минсредмаша, который обеспечивал строительство «городка науки». Жители города были отрезаны от такой системы, но не от информации о ее наличии. На этой основе формировалось много мифов и легенд, часто необоснованных, но даже простые поездки в Академгородок позволяли убедиться в более широком ассортименте товаров в магазинах научного центра. А созданная в самом Городке система закрытого и дифференцированного по статусу распределения товаров и услуг, т. н. столы заказов, вызвала раздражение даже у многих «совестливых» представителей научной интеллигенции.

Наконец, жителей города не могли не привлекать градостроительные решения и среда обитания Академгородка. Городок был расположен в лесу, жилые дома строились в окружении зелени с соблюдением высоких экологических стандартов. В нем практически не было высотных и просто высоких зданий. Среда обитания выглядела гармонично, создавала впечатления уюта и благополучия. В Новосибирске по совокупности подобных качеств конкурентов у Академгородка не было.

Но важнейшую роль, пожалуй, сыграли социокультурные «разломы», обусловленные спецификой населения Городка, состоящего из научных работников. Как было показано выше, их критическая масса в первые годы была представлена выходцами из столичных городов, отличавшихся от населения города по своим привычкам и стереотипам поведения. Последнее создавало в Городке особую ауру, от которой фактически отсекались те, кто не принадлежал к локальному сообществу «посвященных» в науку. В условиях, когда наука стала в стране одной из ключевых идеологией, а в общественном мнении от нее постоянно ждали новых свершений, такая ситуация носила противоречивый характер. Учеными Городка в 1960-е гг. часто восхищались, но сам Городок с его на фоне города «лица необщим выражением» и

специфической атмосферой, у «людей с улицы» вызывал и известное раздражение.

В итоге действия всех этих и ряда других факторов, Академгородок с момента своего создания развивался как контртеза Новосибирска и в урбанистическом, и в социальном смысле. Город пытался выявить и капитализировать преимущества, которые он приобретал от присутствия в его структуре научного комплекса. Прежде всего менялся его публичный облик – отныне он позиционировал себя не только как город с развитой высокотехнологичной индустрией, но и как центр науки мирового класса. Такой желательный для Новосибирска имидж сохранялся на протяжении всех последующих лет и отражался во всех редакциях долговременных планов и стратегий развития города и региона. Академгородок естественным образом стал витриной Новосибирска. Типологически Городок напоминал закрытые «наукограды», такие, например, как Снежинск (в то время – Челябинск 70), о которых, однако, мало кто в стране знал. Но в отличие от Снежинска и ранее построенных и параллельно воздвигаемых «атомградов», Академгородок изначально был позиционирован как центр не «оборонных», а фундаментальных исследований, глобальный научный центр, и, соответственно, открыт для международных коммуникаций.

Равным образом и сам Новосибирск, находясь в окружении других «закрытых» или ограниченных для посещения иностранцами городов, стал центром международных связей и международного сотрудничества в Сибирском регионе. Практически все визиты руководителей страны и значимых иностранных делегаций в крупнейший город Сибири включали в себя посещение Академгородка и знакомство с его научными институтами и университетом. Первым из высокопоставленных гостей уже в конце 1961 г. стал президент Финляндии У. Кекконен, а затем подобные визиты стали практически ежегодными [Водичев, 1990]. В какой мере изменение имиджа города привело к увеличению инвестиций в его бюджет, на данный момент неизвестно и формирует особую и весьма любопытную исследовательскую задачу. Известно лишь то, что академический комплекс финансировался из централизованных источников, по особой «красной строке» параллельно бюджету «большой Академии наук. Также неизвестна величина инвестиций в финансирование учреждений Академгородка по линии программ отдельных министерств и ведомств, главным образом относившихся к ВПК. Однако она была весьма существенной, поскольку, по многим оценкам, доля НИОКР в интересах ВПК в институтах Городка составляла не менее 75%.

Несомненно, Новосибирск получил от Городка возможность укрепить и повысить свой статус в качестве центра профессионального образования. Долгое время Новосибирск, несмотря на свои намного большие размеры, уступал роль «студенческой столицы» Томску, где еще в конце XIX в. возник первый в Сибири классический университет. С появлением и быстрым возвышением Новосибирского университета (НГУ), де-факто ставшего частью академического комплекса, а также распространением влияния Академгородка на другие вузы города, этот статус соседнего города был поставлен под сомнение и успешно оспаривался мегаполисом. «Интеллектуальные инъекции» в Новосибирск, сделанные при создании Городка, продолжались и в дальнейшем по мере его развития.

Как вскоре выяснилось, опасения властей относительно того, к чему может привести высокая концентрация рефлексирующих интеллектуалов были оправданы. В Академгородке, детище «хрущевской оттепели», на протяжении по крайней мере первого десятилетия царил атмосфера свободомыслия и либерализма, немислимая даже для столичных городов, не говоря уже о провинциальном центре. В нем действовали интеллектуальные клубы, проводились публичные дискуссии, затрагивавшие весьма опасные для политического режима сюжеты, не ограничивались профессиональные и личные контакты с иностранцами. В Городке сложился своеобразный этос локального сообщества, отличавший его носителей от коллег из иных научных учреждений, в том числе и в самом Новосибирске. Постепенно сформировалась и собственная система воспроизводства научных кадров высшей квалификации, интеллектуалов, разделяющих «мертоновские» принципы этики и сложившиеся в Городке «правила игры» в отношении и к предмету своей деятельности, и к коллегам (Водичев, Куперштох, 2001).

В 1960-е гг. Городок стал быстро расти уже на собственной основе, тиражируя свои этические нормы и принципы и перенося их на новые территории восточной части страны. Это также привлекало в Городок и молодежь, ориентированную на интеллектуальную и высокопрофессиональную работу в сфере науки, и уже сложившихся исследователей, стремящихся обеспечить себе новый импульс в карьере. Все это породило мифы о «Новой Атлантиде», в которых отголоски реальности тесно переплетались с легендами, и это тоже стало показателем растущего статуса и роли Академгородка и Новосибирска в интеллектуальном пространстве страны (Водичев, 2018b). И в Новосибирске на различных уровнях – от Советского райкома КПСС и обкома партии, и в центре страны, на уровне ЦК КПСС, это вызывало большое беспокойство. В конечном итоге к концу 1960-х гг. власть справилась с свободолюбием Городка, однако легенды о его прошлых свободах сохранились в СССР на долгие десятилетия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несомненно, Новосибирск сумел приобрести довольно много от инкорпорирования в себя Городка. Что получил Городок от Города – это прежде всего возможность использования инфраструктуры и социокультурных объектов мегаполиса. Хотя после появления сцены Дома ученых практически все перформансы последовательно проходили на двух площадках: в Городе и Городке, и жители Академгородка не стремились к поездкам «в Город» (такое выражение до сих пор в обиходе у обитателей Городка). Во многих отношениях Городок долгие годы оставался самодостаточным в отношениях с Городом. Далеко не все полученные эффекты имели количественное измерение, и тем более далеко не все было осознано и отрефлектировано в стратегиях развития, которые порой выглядели чрезмерно оптимистично. Это и понятно, поскольку по своим масштабам крупнейший в масштабах страны социальный эксперимент в сфере организации науки изначально не был ориентирован на город локализации. К настоящему времени его промежуточные итоги в основном осмыслены лишь в плоскости государственной научно-технической политики и глобального опыта организации и управления наукой (Водичев Е.Г., Красильников С.А., Ламин В.А. и др., 2007). Представляется, что анализ формирования и развития Академгородка в контексте трансформации городского пространства мегаполиса еще ждет своего исследователя. Что же касается данной статьи, то автор рассматривает ее лишь как попытку обозначить релевантность и научную значимость этой весьма актуальной проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аблажей, Н. Н., Водичев, Е. Г., & Красильников, С. А. (2019). *Новосибирский государственный университет. Создание, становление, развитие. 1959–2019*. Новосибирск: ИПЦ НГУ. // Ablazhej, N. N., Vodichev, E. G., & Krasil'nikov, S. A. (2019). *Novosibirskij gosudarstvennyj universitet. Sozdanie, stanovlenie, razvitie. 1959–2019*. Novosibirsk: IPC NGU.
- Архитектура Новосибирска. Новосибирский Академгородок. История создания. *Интернет-ресурс*. URL: <http://nsk.novosibdom.ru> // Arhitektura Novosibirska. Novosibirskij Akademgorodok. Istorija sozdanija. Internet-resurs. URL: <http://nsk.novosibdom.ru>
- Баландин, С. Н. (1986). *Новосибирск. История градостроительства 1945–1985 гг.* Новосибирск: Новосибирское книжное издательство. // Balandin, S. N. (1986). *Novosibirsk. Istorija gradostroitel'stva 1945–1985 gg.* Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Водичев, Е. Г. (2018). В технологическом тупике: отраслевая наука на востоке СССР во второй половине 1940-х гг. *Вестник Томского государственного университета*, (436), 139–147. <https://doi.org/10.17223/15617793/436/16> // Vodichev, E. G. (2018). V tehnologicheskom tupike: otraslevaja nauka na vostoke SSSR vo vtoroj polovine 1940-h gg. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (436), 139–147. <https://doi.org/10.17223/15617793/436/16>
- Водичев, Е. Г., Красильников, С. А., Ламин, В. А., и др. (2007). *Российская академия наук. Сибирское отделение. Исторический очерк*. Новосибирск: Наука. // Vodichev, E. G.,

- Krasil'nikov, S. A., Lamin, V. A., i dr. (2007). Rossijskaja akademija nauk. Sibirskoe otdelenie. Istoricheskij ocherk. Novosibirsk: Nauka.
- Водичев, Е. Г., & Узбекова, Ю. И. (2004). Развитие академической науки в Сибири: историографический очерк. В *Советская региональная культурная политика: проблемы изучения* (с. 117–169). Новосибирск: Сова. // Vodichev, E. G., & Uzbekova, Ju. I. (2004). Razvitie akademicheskoy nauki v Sibiri: istoriograficheskij ocherk. In *Sovetskaja regional'naja kul'turnaja politika: problemy izuchenija* (pp. 117–169). Novosibirsk: Sovo.
- Водичев, Е. Г. (1990). *Формирование и развитие международных связей академической науки в Сибири*. Новосибирск: Наука. // Vodichev, E. G. (1990). Formirovanie i razvitie mezhdunarodnyh svyazej akademicheskoy nauki v Sibiri. Novosibirsk: Nauka.
- Водичев, Е. Г., & Куперштох, Н. А. (2001). Формирование этоса научного сообщества в новосибирском Академгородке, 1960-е годы. *Социологический журнал*, (4), 41–65. // Vodichev, E. G., & Kupershtoh, N. A. (2001). Formirovanie jetosa nauchnogo soobshhestva v novosibirskom Akademgorodke, 1960-e gody. *Sociologicheskij zhurnal*, (4), 41–65.
- Водичев, Е. Г. (2018b). Всегда ли «Понедельник начинается в субботу» или мифы и реалии Сибирской «Новой Атлантиды». Статья первая: мифы. *Идеи и Идеалы*, 1(35), Т. 1, 9–23. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2018-1.1-9-26> // Vodichev, E. G. (2018b). Vsegda li «Ponedel'nik nachinaetsja v subbotu» ili mify i realii Sibirskoj «Novoj Atlantidy». Stat'ja pervaja: mify. *Idei i Idealy*, 1(35), Vol. 1, 9–23. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2018-1.1-9-26>
- История города. (2005). *Новониколаевск – Новосибирск. Исторические очерки*. Новосибирск: Историческое наследие Сибири. // Istorija goroda. (2005). Novonikolaevsk – Novosibirsk. Istoricheskie ocherki. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri.
- Красильников, С. А. (2024). Персональный состав членов АН СССР – РАН по Сибирскому отделению: избрание как признание (1958–2007 годы). *Исторический курьер*, № 1(33), 19–21. <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-00.pdf> <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2024-1-0> // Krasil'nikov, S. A. (2024). Personal'nyy sostav chlenov AN SSSR – RAN po Sibirskomu otdeleniyu: izbranie kak priznanie (1958–2007 gody). *Istoricheskij kur'er*, № 1(33), 19–21. <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-00.pdf> <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2024-1-0>
- Кузнецов, И. С. (2014). Современная историография Новосибирского Академгородка. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология*, 13(1), 130–140. // Kuznetsov, I. S. (2014). Sovremennaya istoriografiya Novosibirskogo Akademgorodka. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya*, 13(1), 130–140.
- Кузнецов, И. С. (2006). Рождение Академгородка 1957–1964. *Документальная летопись: учебное пособие по спецкурсу*. Новосибирск: Изд-во НГУ. // Kuznetsov, I. S. (2006). Rozhdenie Akademgorodka 1957–1964. *Dokumental'naya letopis': uchebnoe posobie po spekursu*. Novosibirsk: Izd-vo NGU.
- Куперштох, Н. А. (1999). *Кадры академической науки Сибири (середина 1950-х – 1960-е гг.)*. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 38–39. // Kupershtokh, N. A. (1999). *Kadry akademicheskoy nauki Sibiri (seredina 1950-kh – 1960-e gg.)*. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 38–39.
- Лаврентьев, М. А. (1979, 1980). Опыты жизни. 50 лет в науке. ЭКО, 1979, № 7–12; 1980, № 1–6. // Lavrent'ev, M. A. (1979, 1980). Opyty zhizni. 50 let v nauke. EKO, 1979, № 7–12; 1980, № 1–6.
- Российская академия наук. (2007). *Сибирское отделение. Персональный состав / сост.* Е. Г. Водичев и др. Новосибирск: Наука, 601 с. // Rossijskaja akademija nauk. (2007). *Sibirskoe otdelenie. Personal'nyj sostav / sost.* E. G. Vodichev i dr. Novosibirsk: Nauka, 601 s.
- Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. (1999). СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 146. // Rossijskaja sociologija shestidesjatyh godov v vospominanijah i dokumentah. (1999). SPb.: Izd-vo Rus. hristian. gumanitar. in-ta, 146.
- Сибирское отделение Российской академии наук (2007): *создание (1957–1961 годы): сборник документов / отв. ред. Е. Г. Водичев*. Новосибирск: Сибирское научное изд-во, 376 с. //

Sibirskoe otdelenie Rossijskoj akademii nauk (2007): sozdanie (1957–1961 gody): sbornik dokumentov / otv. red. E. G. Vodichev. Novosibirsk: Sibirskoe nauchnoe izd-vo, 376 s.

Сведения об авторе

Водичев Евгений Григорьевич – доктор исторических наук, профессор Новосибирского государственного технического университета, Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Новосибирск, г. Томск, Российская Федерация, e-mail: vodichev@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8266-1723>

Автор туралы мәліметтер

Водичев Евгений Григорьевич – тарих ғылымдарының докторы, Новосібір мемлекеттік техникалық университетінің, Томск мемлекеттік ұлттық зерттеу университетінің профессоры, Новосібір қ., Томск қ., Ресей Федерациясы, e-mail: vodichev@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8266-1723>

Information about the authors

Evgeny G. Vodichev – Doctor of Historical Sciences, Professor of Novosibirsk State Technical University, National Research Tomsk State University, Novosibirsk, Tomsk, Russian Federation, e-mail: vodichev@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8266-1723>